

У подошвы «Олимпа»

Антон МАКАРЕНКО

Комментарий доктора педагогических наук, профессора **Валентина КУМАРИНА**

«Май и июнь в Куряже были нестерпимо наполнены работой. Я не хочу сейчас об этой работе говорить словами восторга.

Если к работе подходить трезво, то необходимо признать, что много есть работ тяжёлых, неприятных, неинтересных, многие работы требуют большого терпения, привычки преодолевать болевые угнетающие ощущения в организме; очень многие работы только потому и возможны, что человек приучен страдать и терпеть.

Преодолевать тяжесть труда, его физическую непривлекательность люди научились давно, но мотивация этого преодоления нас теперь не всегда удовлетворяет. Снисходя к слабости человеческой природы, мы терпим и теперь некоторые мотивы личного удовлетворения, мотивы собственного благополучия, но мы неизменно стремимся воспитывать широкие мотивации коллективного интереса. Однако многие проблемы в области этого вопроса очень запутаны и в Куряже приходилось решать их почти без помощи со стороны.

Когда-нибудь настоящая педагогика разработает этот вопрос, разберёт механику человеческого усилия, укажет, какое место принадлежит в нём воле, самолюбию, стыду, внушаемости, подражанию, страху, соревнованию и как всё это комбинируется с явлениями чистого сознания, убеждённости, разума. **Мой опыт, между прочим, решительно утверждает, что расстояние между элементами чистого сознания и прямыми мускульными расходами довольно значительно и что совершенно необходима некоторая цепь связующих более простых и более материальных элементов.** (Здесь и далее выделено мной. — В.К.)

В день приезда горьковцев в Куряже очень удачно был разрешён вопрос о сознании. Куряжская толпа была в течение одного дня приведена к уверенности, что приехавшие отряды привезли ей лучшую жизнь, что к куряжанам прибыли люди с опытом и помощью, что нужно идти дальше с этими людьми. Здесь решающими не были даже соображения выгоды, здесь происходило, конечно, коллективное внушение, здесь решали не расчёты, а глаза, уши, голоса и смех. Всё же в результате первого дня куряжане безоглядно захотели стать членами горьковского коллектива хотя бы уже и потому, что это был коллектив, ещё не испробованная сладость в их жизни.

Но я приобрёл на свою сторону только сознание, а этого было страшно мало. На другой же день это обнаружилось во всей своей сложности. Ещё с вечера были составлены сводные отряды на разные работы, намеченные в декларации комсомола, почти ко всем сводным были прикреплены воспитатели или старшие горьковцы, настроение у куряжан с самого утра было прекрасное, и всё-таки к обеду выяснилось, что работают очень плохо. После обеда многие уже не вышли на работу, где-то попрятались, часть по привычке потянулась в город и на Рыжов. Я сам обошёл все сводные отряды — картина была везде одинакова. Вкрапления горьковцев казались везде очень незначительными, преобладание куряжан бросалось в глаза, и нужно было опасаться, что начнёт преобладать и стиль их работы, тем более что среди горьковцев было очень много новеньких, да и некоторые старики, растворившись в куряжской пресной жидкости, грозили просто исчезнуть как активная сила.

Взяться за внешние дисциплинарные меры, которые так выразительно и красиво действуют в сложившемся коллективе, было опасно. Нарушителей было очень много, возиться с ними было делом сложным, требующим много времени, и неэффективным, **ибо всякая мера взыскания только тогда производит полезное действие, когда она выталкивает человека из общих рядов и поддерживается несомненным приговором общественного мнения.** Кроме того, внешние меры слабее всего действуют в области организации мускульного

усилия.

Менее опытный человек утешил бы себя такими соображениями: ребята не привыкли к трудовому усилию, не имеют «ухватки», не умеют работать, у них нет **привычки** равняться по трудовому усилию товарищей, нет той трудовой гордости, которая всегда отличает коллективиста; всё это не может сложиться в один день, для этого нужно время. К сожалению, я не мог ухватиться за такое утешение. В этом пункте давал себя знать уже известный мне закон: **в педагогическом явлении нет простых зависимостей, здесь менее всего возможна силлогическая формула, дедуктивный короткий бросок.**

В майских условиях Куряжа постепенное и медленное развитие трудового усилия грозило выработать общий стиль работы, выраженный в самых средних формах, и ликвидировать пружинную, быструю и точную ухватку горьковцев.

Область стиля и тона всегда игнорировалась педагогической «теорией», а между тем это самый существенный, самый важный отдел коллективного воспитания. Стиль — самая нежная и скоропортящаяся штука. За ним нужно ухаживать, ежедневно следить, он требует такой же придирчивой заботы, как цветник. **Стиль создаётся очень медленно, потому что он немислим без накопления традиций, то есть положений и привычек, принимаемых уже не чистым сознанием, а сознательным уважением к опыту старших поколений, к великому авторитету целого коллектива, живущего во времени.** Неудача многих детских учреждений происходила оттого, что у них не выработался стиль и не сложились **привычки и традиции**, а если они и начинали складываться, переменные инспектора наробразов регулярно разрушали их, побуждаемые к этому, впрочем, самыми похвальными соображениями. Благодаря этому соцвосовские «ребёнки» всегда жили без единого намёка на какую бы то ни было преемственность не только «вековую», но даже годовалую.

Побеждённое сознание куряжан позволяло мне стать в более близкие и доверчивые отношения к ребятам. Но этого было мало. **Для настоящей победы от меня требовалась теперь педагогическая техника.** В области этой техники я был также одинок, как и в 1920 году, хотя уже не был так юмористически неграмотен. Одиночество это было одиночеством в особом смысле. И в воспитательском, и в ребячем коллективе у меня уже были солидные кадры помощников; располагая ими, я мог смело идти на самые сложные операции. Но всё это было на земле.

На небесах и поближе к ним, на вершинах педагогического «Олимпа», всякая педагогическая техника в области собственно воспитания считалась ересью.

На «небесах» ребёнок рассматривался как существо, наполненное особого состава газом, название которому даже не успели придумать. Впрочем, это была всё та же старомодная душа, над которой упражнялись ещё апостолы. Предполагалось (рабочая гипотеза), что газ этот обладает способностью саморазвития, не нужно только ему мешать. Об этом было написано много книг, но все они повторяли, в сущности, изречения Руссо:

«Относитесь к детству с благоговением...»

«Бойтесь помешать природе...»

На самом деле в условиях чистой природы выросло только то, что естественно могло вырасти, то есть обыкновенный полевой бурьян, но это никого не смущало — для небожителей были дороги принципы и идеи. Мои указания на практическое несоответствие получаемого бурьяна заданным проектам коммунистической личности называли делячеством, а если хотели подчеркнуть мою настоящую сущность, говорили:

— Макаренко хороший практик, но в теории он разбирается очень слабо».

Говоря о чистой природе, Макаренко имел в виду — без ухода за ней, без создания условий, которые необходимы для взращивания врождённых потребностей ребёнка и врождённых его способностей, для их удовлетворения и реализации. В «Книге для родителей» об этом говорится так: «Человек давно научился осторожно и нежно прикасаться к природе. Он не творит природу и не уничтожает её, он только вносит в неё свой математически-могучий корректив; его прикосновение, в сущности, не что иное, как еле заметная перестановка сил. Там подпорка, там разрыхлённая земля, там терпеливый зоркий отбор. Наше воспитание та-

кой же корректив. И поэтому только и возможно воспитание (*Макаренко А.С.* Т.4. М., 1957. С. 22).

«Были разговоры и о дисциплине. Базой теории в этом вопросе были два слова, часто встречающиеся у Ленина: «сознательная дисциплина». Для всякого здравомыслящего человека в этих словах заключается простая, понятная и практически необходимая мысль: **дисциплина должна сопровождаться пониманием её необходимости, полезности, обязательности, её значения. В педагогической теории это выходило иначе: дисциплина должна вырастать не из социального опыта, не из практического действия, а из чистого сознания, из голой интеллектуальной убеждённости, из «пара» души, из идей.** Потом теоретики пошли дальше и решили, что «сознательная дисциплина» никуда не годится, если она возникает вследствие влияния старших. Это уже не дисциплина по-настоящему сознательная, а натаскивание и, в сущности, насилие над паром души. Нужна не сознательная дисциплина, а «самодисциплина». Точно так же не нужна и опасна какая бы то ни была организация детей, а необходима «самоорганизация».

Возвращаясь в своё захолустье, я начинал думать. Я соображал так: мы все прекрасно знаем, какого нам следует воспитать человека... Следовательно, затруднения не в вопросе, что нужно сделать, но как сделать. А это вопрос педагогической техники. Технику можно вывести только из опыта. Законы резания металлов не могли бы быть найдены, если бы в опыте человечества никто никогда металлов не резал. Только тогда, когда есть технический опыт, возможны изобретение, усовершенствование, отбор и браковка.

Наше педагогическое производство никогда не строилось по технологической логике, а всегда по логике моральной проповеди. Это особенно заметно в области собственно воспитания...

Именно потому у нас просто отсутствуют все важные отделы производства: технологический процесс, учёт операций, конструкторская работа, применение приспособлений, нормирование, контроль, допуски и браковка.

Когда подобные слова я несмело произносил у подошвы «Олимпа», боги швыряли в меня кирпичами и кричали, что это механистическая теория.

А я, чем больше думал, тем больше находил сходства между процессами воспитания и обычными процессами на материальном производстве, и никакой особенно страшной механистичности в этом сходстве не было. **Человеческая личность в моём представлении продолжала оставаться человеческой личностью со всей её сложностью, богатством и красотой, но мне казалось, что именно потому к ней нужно подходить с более точными измерителями, с большей ответственностью и с большей наукой, а не в порядке простого тёмного кликушества.** Очень глубокая аналогия между производством и воспитанием не только не оскорбляла моего представления о человеке, но, напротив, заражала меня особым отношением к нему, потому что нельзя относиться без уважения и к хорошей сложной машине.

Во всяком случае для меня было ясно, что очень многие детали в человеческой личности и в человеческом поведении можно было сделать на прессах, просто штамповать в стандартном порядке, но для этого нужна особенно тонкая работа самих штампов, требующих скрупулёзной осторожности и точности».

А.С. Макаренко ведёт речь о «собственно воспитании», т.е. о выработке привычек нравственного поведения, условных рефлексов, а не о моральных поучениях. Обращение к сознанию в этом случае только мешает и вредит. Об этой педагогической ошибке задолго до Макаренко предупреждал другой великий классик научной природосообразной педагогики Джон Локк. В своём знаменитом трактате «Мысли о воспитании» он пишет: «Если дети будут многократно проделывать одно и то же действие до тех пор, пока оно не станет для них привычным, выполнение уже не будет зависеть от памяти или размышления, свойственных не детству, а зрелому возрасту, не станет у них чем-то естественным...» (*Локк Джон.* Пед. соч. М., 1939. С. 102). И следом: «Если вы таким путём излечили вашего ребёнка от какого-либо недостатка, вы его излечили навсегда; и таким же способом вы можете искоренить в детях

один за другим все недостатки и привить им какие угодно привычки» (там же, с. 103).

«Другие детали требовали, напротив, индивидуальной обработки в руках высококвалифицированного мастера, человека с золотыми руками и острым глазом. Для многих деталей необходимы были сложные специальные приспособления, требующие большой изобретательности и полёта человеческого гения. А для всех деталей и для всей работы воспитателя нужна особая наука. Почему в технических вузах мы изучаем сопротивление материалов, а в педагогических не изучаем сопротивление личности, когда её начинают воспитывать? А ведь для всех не секрет, что такое сопротивление имеет место. Почему, наконец, у нас нет отдела контроля, который мог бы сказать разным педагогическим портачам:

— У вас, голубчики, девяносто процентов брака. У вас получилась не коммунистическая личность, а прямая дрянь, пьянчужка, лежебока и шкурник. Уплатите, будьте добры, из вашего жалованья».

Вот этого и страшатся противники «собственно воспитания». Но теперь, во времена прагматизма, всё-таки придётся нести ответственность за конечный результат работы. Как только это случится, а иначе быть уже не может, учителя выкинут «воспитывающее обучение» на свалку. И возьмутся за дело.

«Почему у нас нет никакой науки о сырье и никто толком не знает, что из этого материала следует делать — коробку спичек или аэроплан?»

Что должен знать педагог о каждом ребёнке, Макаренко скрупулёзно перечислил в служебной инструкции директорам школ, которые в «собственно воспитании» являются «центральной фигурой». Почти пятьдесят пунктов! Вот только некоторые из них: «В каком состоянии находится здоровье ребёнка? Какие таланты и способности обнаруживает ребёнок, какие необходимо было бы развивать (т.е. возвращать, способствовать реализации. — В.К.)? Как ребёнок относится к товарищам и к каким больше тянется, кого не любит, с кем дружит, с кем враждует? Какие у него наклонности к преобладанию и над чем он стремится обосновать это преобладание: на интеллекте, на развитии, на жизненном опыте, на стиле личности, на физической силе, на эстетической позе? Как относится к слабым, к женщинам, девочкам, детям и старикам»? И т.д. (См.: *Макаренко А.С.* Соч. в Т. 5., М. 1958. С. 89).

«С вершин олимпийских кабинетов не различают никаких деталей и частей работы. Оттуда видно только безбрежное море безликого детства, а в самом кабинете стоит модель абстрактного ребёнка, сделанная из самых лёгких материалов: идей, печатной бумаги, маниловской мечты. Когда люди «Олимпа» приезжают ко мне в колонию, у них не открываются глаза и живой коллектив ребят им не кажется новым обстоятельством, вызывающим прежде всего техническую заботу. А я, провожая их по колонии, уже поднятый на дыбу теоретических соприкосновений с ними, не могу отделаться от какого-нибудь технического пустяка.

В спальне четвёртого отряда сегодня не помыли полов, потому что ведро куда-то исчезло. Меня интересует и материальная ценность ведра, и техника его исчезновения. Вёдра выдаются в отряды под ответственность помощника командира, который устанавливает очередь уборки, а следовательно, и очередь ответственности. Вот эта именно штука — ответственность за уборку, и за ведро, и за тряпку — есть для меня технологический момент.

Эта штука подобна самому захудалому, старому, без фирмы и года выпуска, токарному станку на заводе. Такие станки всегда помещаются в дальнем углу цеха, на самом замасленном участке пола и называются «козами». На них производится разная детальная шпана: шайбы, крепёжные части, прокладки, какие-нибудь болтики. И всё-таки, когда такая «коза» начинает заедать, по заводу пробегает еле заметная рябь беспокойства, в сборном цехе нечаянно заводятся «условный выпуск», на складских полках появляется досадная горка неприятной продукции — «некомплект».

Ответственность за ведро и тряпку для меня такой же токарный станок, пусть и последний в ряду, **но на нём обтачиваются крепёжные части для важнейшего человеческого атрибута: чувства ответственности.** Без этого атрибута не может быть полноценного человека, будет «некомплект».

Олимпийцы презирают технику. Благодаря их владычеству давно захирела в наших

педвузах педагогически-техническая мысль, в особенности в деле собственно воспитания. Во всей нашей жизни нет более жалкого технического состояния, чем в области воспитания. И поэтому воспитательное дело есть дело кустарное, а из кустарных производств — самое отсталое. Именно поэтому до сих пор остаётся действительной жалоба Луки Лукича Хлопова из «Ревизора»: «Нет хуже служить по учебной части, всякий мешается, всякий хочет показать, что он тоже умный человек».

И это не шутка, не гиперболический трюк, а простая прозаическая правда. «Кому ума не доставало» решать любые воспитательные вопросы? Стоит человеку залезть за письменный стол, и он уже вещает, связывает и развязывает. Какой книжкой можно его обуздать? Зачем книжка, раз у него у самого есть ребёнок? А в это время профессор педагогики, специалист по вопросам воспитания, пишет записку в ГПУ или НКВД: «Мой мальчик несколько раз меня обкрадывал, дома не ночует, обращаюсь к вам с горячей просьбой...»

Спрашивается, почему чекисты должны быть более высокими педагогическими техниками, чем профессора педагогики?

...Тогда, в 1926 году, я со своей техникой был не в лучшем положении, чем Галилей со своей трубой. Передо мной стоял короткий выбор: или провал в Куряже, или провал на «Олимпе» и изгнание из рая. Я выбрал последнее. Рай блистал над моей головой, переливая всеми цветами теории, но я вышел к сводному отряду куряжан и сказал хлопцам:

— Ну, ребята, работа ваша дрянь... Возьмусь за вас сегодня на собрании. К чертям собачьим с такой работой!

Хлопцы покраснели, и один из них, выше ростом, ткнул сапкой в моём направлении и обиженно прогудел:

— Так сапки тупые... Смотрите...

— Брешешь, — сказал ему Тоська Соловьёв, — брешешь. Признайся, что сбрыхал. Признайся...

— А что, острая?

— А что, ты не сидел на меже целый час? Не сидел?

— Слушайте, — сказал я сводному. — Вы должны к ужину закончить этот участок. Если не закончите, будем работать после ужина. И я буду с вами.

— Та кончим, — запел владелец тупой сапки. — Что ж тут кончать?

Тоська засмеялся:

— Ну и хитрый!..

В этом месте оснований для печали не было: если люди отлынивают от работы, но стараются придумать хорошие причины для своего отлынивания, это значит, что они проявляют творчество и инициативу — вещи, имеющие большую цену на олимпийском базаре. Моей технике оставалось только притушить это творчество, и всё, зато я с удовлетворением мог отметить, что демонстративных отказов от работы почти не было. Некоторые потихоньку прятались, смывались куда-нибудь, но эти смущали меня меньше всего: для них была всегда наготове своеобразная техника у пацанов. Где бы и гулял прогульщик, а обедать волей-неволей приходил к столу своего отряда. Куряжане встречали его сравнительно безмятежно, иногда только спрашивали наивным голосом:

— Разве ты не убежал с колонии?

У горьковцев были языки и руки впечатлительнее. Прогульщик подходит к столу и старается сделать вид, что человек он обыкновенный и не заслуживает особенного внимания, но командир каждому должен воздать по заслугам. Командир строго говорит какому-нибудь Кольке:

— Колька, что же ты сидишь? Разве ты не видишь? Криворучко пришёл, скорее место очисти! Тарелку ему чистую! Да какую ты ложку даёшь, какую ложку?!

Ложка исчезает в кухонном окне.

— Наливай ему самого жирного!.. Самого жирного!.. Петька, сбегай к повару, принеси хорошую ложку! Скорее! Стёпка, отрежь ему хлеба... Да что ты режешь? Это греки едят такими скибками, ему тоненькую нужно... Да где же Петька с ложкой?.. Петька, скорее там!

Ванька, позови Петьку с ложкой!..

Криворучко сидит перед полной тарелкой действительно жирного борща и краснеет прямо в центр борщевой поверхности. Из-за соседнего стола кто-нибудь солидно спрашивает:

— Тринадцатый, что, гостя поймали?

— Пришли, как же, пришли, обедать будут... Петька, да давай же ложку, некогда!..

Дурашливо захлопотанный Петька врывается в столовую и протягивает обыкновенную колониюскую ложку, держит её в руках парадно, как подношение. Командир свирепеет:

— Какую ты ложку принёс? Тебе какую сказали? Принеси самую большую...

Петька изображает оторопелую поспешность, как угорелый, мечется по столовой и тычется в окна вместо дверей. Начинается сложная мистерия, в которой принимают участие даже кухонные люди. Кое у кого сейчас замирает дыхание, потому что и они, собственного говоря, случайно не сделались предметом такого же горячего гостеприимства. Петька снова влетает в столовую, держа в руках какой-нибудь саженный дуршлаг или кухонный половник. Столовая покатывается со смеху. Тогда из-за своего стола медленно вылезает Лапоть и подходит к месту происшествия. Он молча разглядывает всех участников мелодрамы и строго посматривает на командира. Потом его строгое лицо на глазах у всех принимает окраски растроганной жалости и сострадания, то есть тех именно чувств, на которые Лапоть заведомо для всех неспособен. Столовая замирает в ожидании самой высокой и тонкой игры артистов! Лапоть орудует нежнейшими оттенками фальцета и кладёт руку на голову Криворучко:

— Детка, кушай, детка, не бойся... Зачем издеваетесь над мальчиком? А? Кушай, детка... Что, ложки нет? Ах, какое свинство, дайте ему какую-нибудь... Да вот эту, что ли...

Но детка не может кушать. Она ревет на всю столовую и вылезает из-за стола, оставляя нетронутой тарелку самого жирного борща. Лапоть рассматривает страдальца, и по лицу Лаптя видно, как тяжело и глубоко он умеет переживать.

— Это как же? — чуть не со слезами говорит Лапоть. — Что же, ты и обедать не будешь? Вот до чего довели человека!

Лапоть оглядывается на хлопцев и беззвучно хохочет. Он обнимает плечи Криворучко, вздрагивающие в рыданиях, и нежно выводит его из столовой. Публика заливается хохотом. Но есть и последний акт мелодрамы, который публика видеть не может. Лапоть привёл гостя на кухню, усадил за широкий кухонный стол и приказал повару подать и накормить «этого человека» как можно лучше, потому что «его, понимаете, обижают». И когда ещё всхлипывающий Криворучко доел борщ и у него находится достаточно свободной души, чтобы заняться носом и слезами, Лапоть наносит последний тихонький удар, от которого даже Иуда Искариотский обратился бы в голубя:

— Чего это они на тебя? Наверное, на работу не вышел? Да?

Криворучко кивает, икает, вздыхает и вообще больше сигнализирует, чем говорит.

— Вот чудачки!.. Ну, что ты скажешь!.. Да ведь ты последний раз? Последний раз, правда? Так чего ж тут въедаться? Мало ли что бывает? Я, как пришёл в колонию, так семь дней на работу не ходил... А ты только два дня. А дай я посмотрю твои мускулы... Ого! Конечно, с такими мускулами надо работать... Правда ж?

Криворучко снова кивает и принимается за кашу. Лапоть уходит в столовую, оставляя Криворучко неожиданный комплимент:

— Я сразу увидел, что ты свой парень...

Достаточно было одной-двух подобных мистерий, чтобы уход из рабочего отряда сделался делом невозможным. Этот институт вывелся в Куряже очень быстро. Труднее было с такими симулянтами, как Ховрах. Уже на третий день у него начались солнечные удары, он со стонами залезал под кусты и укладывался отдыхать. С такими умел гениально расправляться Таранец. Он выпрашивал у Антона линейку и Молодца и с целой группой санитаров, украшенный флагами и крестами, выезжал на поле. Наиболее сильным средством у Таранца был Кузьма Леший, вооружённый настоящим кузнечным мехом. Не успеет Ховрах разнежиться в роще, как на него налетает «скорая помощь» для несчастных случаев, Леший

мгновенно устанавливает против больного свой мех, и несколько человек работают мехом с искренним увлечением. Они обдувают Ховраха во всех местах, где предполагается притаившийся солнечный удар, а потом влекут к карете. Но Ховрах уже здоров, и карета спокойно уезжает в колонию. Как ни тяжело было для Ховраха подвергнуться описанной медицинской процедуре, ещё тяжелее ему возвратиться в сводный и в молчании принимать дозы новых лекарств в виде самых простых вопросов:

— Что, Ховрах, помогло? Хорошее средство, правда?

Разумеется, это были партизанские действия, но они вытекали из общего тона и из общего стремления коллектива наладить работу. А тон и стремление — это были настоящие предметы моей технической заботы.

Основным технологическим моментом оставался, конечно, отряд. Что такое отряд, на «Олимпе» так и не разобрали. А между тем я изо всех сил старался растолковать олимпийцам значение отряда и его определяющую полезность в педагогическом процессе. Но ведь мы говорили на разных языках, ничего нельзя было растолковать. Я привожу здесь почти полностью один разговор, который произошёл между мною и профессором педагогики, захваченным в колонию, очень аккуратным человечком в очках, в пиджаке, в штанах, человечком мыслящим и добродетельным. Он пристал ко мне с вопросом, почему столы в столовой между отрядами распределяет дежурный командир, а не педагог.

— Серьёзно, товарищ, вы, вероятно, просто шутите. Я прошу вас серьёзно со мной говорить. Как это так: дежурный мальчик распределяет столовую, а вы спокойно здесь стоите. Вы уверены, что он всё сделает правильно, никого не обидит? Наконец... он может просто ошибиться.

— Распределить столовую не так трудно, — ответил я профессору, — кроме того, у нас есть старый и очень хороший закон.

— Интересно. Закон?

— Да, закон. Такой: всё приятное и всё неприятное или трудовое распределяется между отрядами по очереди, по порядку их номеров.

— Как это? Что т-такое? Не понимаю...

— Это очень просто. Сейчас первый отряд получает самое лучшее место в столовой, после него через месяц — второй и так далее.

— Хорошо. А «неприятное» — что это такое?

— Ну, вот, например, если сейчас нужно будет проделать срочную внеплановую работу, то будет вызван первый отряд, а в следующий раз — второй. Когда будут распределять уборку, первому отряду в первую очередь дадут чистить уборные. Это, конечно, относится только к работам очередного типа.

— Это вы придумали такой ужасный закон?

— Нет, почему я? Это хлопцы. Для них так удобнее: **ведь такие распределения делать очень трудно, всегда будут недовольные. А теперь это делается механически. Очередь передвигается через месяц.**

— Так, значит, ваш двадцатый отряд будет убирать уборную через двадцать месяцев?

— Конечно, но и лучшее место в столовой он тоже займёт через двадцать месяцев.

— Кошмар! Но ведь через двадцать месяцев в двадцатом отряде будут новые люди. Ведь так же?

— Нет, состав отрядов почти не меняется. Мы — сторонники длительных коллективов. Конечно, кое-кто уйдёт, будут два-три новичка. Но если даже и большинство отряда обновится, в этом нет ничего опасного. **Отряд — это коллектив, у которого есть свои традиции, история, заслуги, слава. Правда теперь мы значительно перемешали отряды, но всё же — ядра остались.**

— Не понимаю. Всё это какие-то выдумки. Всё это несерьёзно. Какое значение имеет отряд, слава, если там новые люди. На что это похоже?

— Это похоже на Чапаевскую дивизию, — сказал я, улыбаясь.

— Ах, вы опять с вашей военизацией... Хотя... что же тут, так сказать, чапаевского?

— В дивизии уже нет тех людей, что были раньше. И нет Чапаева. Новые люди. Но они несут на себе славу и честь Чапаева и его полков, понимаете или нет? Они отвечают за славу Чапаева. А если они опозорятся, через пятьдесят лет новые люди будут отвечать за их позор.

— Не понимаю, для чего это вам нужно?

Так он и не понял, этот профессор. Что я мог сделать?

В первые дни Куряжа в отрядах совершалась очень большая работа. К двум-трём отрядам издавна был прикреплен воспитатель. На ответственности воспитателей лежало возбуждать в отрядах представление о коллективной чести и лучшем, достойном месте в колонии. **Новые благородные побуждения коллективного интереса приходили, конечно, не в один день, но всё же приходили сравнительно быстро, гораздо быстрее, чем если бы мы надеялись только на индивидуальную обработку.**

Вторым нашим весьма важным институтом была система перспективных линий. Есть, как известно, два пути в области организации перспективы, а следовательно, и трудового усилия. Первый заключается в оборудовании личной перспективы, между прочим, при помощи воздействия на материальные интересы личности. Это последнее, впрочем, решительно запрещалось тогдашними педагогическими мыслителями. Когда дело доходило до самого незначительного количества рублей, намечаемых к выдаче ребятам в виде зарплаты или премии, на «Олимпе» подымался настоящий скандал. **Педагогические мыслители были убеждены, что деньги от дьявола, недаром же они слышали в «Фаусте»:**

Люди гибнут за металл...

Их отношение к зарплате и к деньгам было настолько паническое что не оставалось места ни для какой аргументации. Здесь могло помочь только окропление святой водой, но я этим средством не обладал.

А между тем зарплата — очень важное дело. На получаемой зарплате воспитанник вырабатывает умение координировать личные и общественные интересы, попадает в сложнейшее море хозрасчёта и рентабельности, изучает всю систему советского заводского хозяйства и принципиально становится на позиции, общие со всяким другим рабочим. Наконец, приучается просто ценить заработок и уже не выходит из детского дома в образе беспризорной институтки, не умеющей жить, а обладающей только «идеалами».

Но ничего нельзя было поделать, на этом лежало «табу».

Я имел возможность пользоваться только вторым путём — методом повышения коллективного тона и организации сложнейшей системы коллективной перспективы. От этого метода не так пахло нечистой силой, и олимпийцы терпели здесь многое, хотя и ворчали иногда подозрительно.

Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы. Сначала нужно организовать самую радость, вызвать её к жизни и поставить как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво претворять более простые виды радости в более сложные и человечески значительные. Здесь проходит интересная линия: от примитивного удовлетворения каким-нибудь пряником до глубочайшего чувства долга.

Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий своё поведение самой близкой перспективой, сегодняшним обедом, именно сегодняшним, есть человек самый слабый.

«Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость. Можно написать целую методику этой важной работы. Она заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной подстановке более ценных. Начинать можно и с хорошего обеда, и с похода в цирк, и с очистки пруда, но надо всегда возбуждать к жизни и постепенно расширять перспективы целого коллектива, доводить их до перспектив всей

страны...»

Стратегия воспитания

Вы, разумеется, сразу узнали, что перед вами — одна из глав «Педагогической поэмы». Но почему именно эта? И почему ею открывается рубрика? Отвечаем: исключительно потому, что в этой главе Антон Семёнович очень просто и доступно разъясняет, что помогло ему достичь успехов (теперь-то мы знаем — непревзойдённых) в воспитании, точнее — в «собственно воспитании», как он его называет.

Так в чём же «секрет»? А секрет в том, что создатель колонии им. Горького и коммуны им. Ф.Э. Дзержинского не пошёл на поводу у так называемого «воспитывающего обучения», а строго разделил образовательный процесс на обучение и воспитание («собственно воспитание»). Больше того: поставил на первое место не обучение, как это всегда было принято и остаётся поныне, а именно воспитание. Макаренко был резко не согласен с основоположником «воспитывающего обучения», немецким философом Гербартом, полагавшим, что воспитывать детей можно тем же способом, что и учить, т.е. рассказывая им о трудолюбии, честности, героизме, порядочности, патриотизме, мужестве, доброте, отзывчивости, о чутком отношении ко всему живому и к природе, о здоровом образе жизни и других признаках воспитанности. А.С. Макаренко с прозорливостью классика научной, природосообразной педагогики понял, что результатом учения являются знания, а результатом воспитания — привычки нравственного поведения; что для учения требуется последовательная индивидуализация, переход к индивидуальным учебным планам и программам, а для воспитания нужен коллектив, который строится по особым «чертежам». И, наконец, при обучении надо апеллировать к сознанию, а при воспитании («собственно воспитании») — к подсознанию с помощью поведенческих упражнений. На этом задолго до Макаренко настаивал и Я.А. Коменский, утверждая, что «добродетель взращивается посредством дел, а не посредством болтовни». И в том же духе — Локк, Песталоцци, Дистервег, Ушинский.

Прочтите ещё раз эту главу из «Педагогической поэмы». Прочтите не только как фрагмент прекрасного художественного произведения, но как воспитательную технологию. Не безликие вялые концепции, советующие «осуществлять включение нравственной компоненты в процесс обучения через различные образовательные области», а ту технологию воспитания, которая вытекает из жизни, из сложнейших и тончайших взаимоотношений воспитателя с воспитанниками и самих воспитанников между собой. Макаренковская технология — не словесная вязь «нравственной компоненты» в качестве дописка к учебной теме, а самостоятельный, чрезвычайно сложный процесс, организация которого начинается с первичного коллектива — разновозрастного отряда.

Нынешние «критики» А.С. Макаренко не устают повторять, что было, мол, другое время и другие дети. Во времена Макаренко детей-сирот было 9 млн, детские дома насчитывались десятками тысяч. Но ни в одном из них не воспитывали так, как воспитывал Макаренко, — не было изобретённой им системы собственно воспитания. Что же касается детей, то дети во все времена были и остаются одними и теми же. С одними и теми же врождёнными потребностями и способностями. С одной и той же природой. Остальное — научно-технический прогресс, материальная культура и благосостояние, — потому только и стали возможными, что человек — «величина постоянная», во все времена: не умнее, но и не глупее, не сильнее и не слабее. Он так же, как и тысячи лет назад, любит, страдает, рождает детей, без конца воюет, строит, изобретает, выращивает хлеб, пишет стихи и романы, сочиняет музыку, рисует, изображает себя на сцене. И, конечно, занимается воспитанием — своим главным, самым важным делом, которое подчиняется вечному и неизменному принципу природосообразности. И только при этом условии обретает успех.

«Собственно воспитание» — это прежде всего вторая работа. Вспомните, сколько и как работал Макаренко, чтобы из того же Ужикова сделать человека. Три тысячи обречённых на гибель в безумном строительстве «светлого будущего» прошли через такое вос-

питание и, как вспоминает Корней Иванович Чуковский, на финише ничем не отличались от студентов Оксфорда, где он когда-то учился.

«Собственно воспитание» требует от директора и коллектива школы много больше, чем учение. Больше ума, больше ответственности, больше культуры. Макаренко был гениальным педагогом, потому и разработал методику «собственно воспитания». Но теперь-то, когда она разработана, когда сама просится в руки, теперь-то вовсе не надо быть гением, а всего лишь профессионалом, чтобы её реализовать — повторять без всякой отсебятины, именуемой почему-то «творческим подходом». Попробуйте какую-нибудь заклёпку в самолёте прикрепить «творчески» — конструктор руки оторвёт и правильно сделает. Так и в «собственно воспитании»: замените первичный коллектив — разновозрастный отряд — классом, и сверхпрочная, изящная конструкция будет искорёжена, как от прямого попадания бомбы.

Чтобы нагляднее представить разницу между обучением и воспитанием, обратимся к простой схеме:

Педагогический процесс

1-я подструктура — обучение

Сущность — усвоение посильных знаний в меру врождённых способностей и практических потребностей

Основная организационная форма:

- класс
- предметные кружки

Основной метод — индивидуализация

Основной результат:

- отличное здоровье
- прочные знания, необходимые для дальнейшей жизни

Стратегическая цель — здоровый человек, обученный и воспитанный

2-я подструктура — воспитание

Сущность — выработка привычек, нравственного поведения, трудолюбия

Основная организационная форма — первичный коллектив, разновозрастный отряд

Основной метод — коллектив по «чертежам» А.С. Макаренко

Основной результат:

- отличное здоровье
- убеждения, привычки нравственного поведения
- трудолюбие

Стратегическая цель — здоровый человек, обученный и воспитанный

Недавно министр образования В. Филиппов пристыдил наших «олигархов» тем, что они не жертвуют на образование, и в пример привёл американские благотворительные фонды Маккартуров, Форда и Карнеги, которые ежегодно жертвуют российскому образованию миллиарды долларов (Филиппов В. Говорят, что... // «УГ» 27 февр. 2001). Образовательному сообществу ни разу не показали, куда и на что истрачены эти миллиарды. А неплохо бы от этого «зелёного» водопада отвести 89 «ручейков» непосредственно в субъекты Российской Федерации для организации курсов по обучению способных и молодых школьных директоров науке «собственно воспитания», а также на издание полностью готовых методических пособий по этой теме. Сегодня ни в одном пединституте и ИПК нет такого курса «Собственно воспитание» и ни в одном дипломе нет учёной степени «мастер собственно воспитания».

Тем директорам, которые закончат курсы с «красным дипломом», хорошо бы втрое, а то и больше повысить зарплату (из тех же источников — миллиардов долларов) при условии,

что из школ, которыми они руководят, станут выходить в жизнь такие молодцы и молодницы, как воспитанники и воспитанницы Макаренко. Скольких школьных и социальных бед удалось бы избежать — поголовного хамства, цинизма, зверской жестокости (тринадцатилетние подростки недавно на Тверской в Москве затоптали до смерти престарелого ветерана Великой Отечественной войны, грудь которого, когда-то могучую и широкую, по обе стороны украшали боевые награды). Но вместо курсов по «собственно воспитанию», вместо овладения этим актуальнейшим и сложнейшим педагогическим умением, вместо реального дела школе, учителям снова предлагают очередную «Концепцию воспитания в системе образования», разработанную творческим коллективом под руководством академика РАО Ирины Зимней. Цель новой концепции воспитания — поистине грандиозна: «Противостоять дикому рынку, преступности, терроризму, венерическим болезням и СПИДу».

Что же предлагает творческий коллектив? А вот что: «Использование образовательных стандартов для введения в образовательные программы всех уровней и ступеней образования соответствующего им воспитательного компонента», «все составляющие подсистемы воспитания по мере их введения в образовательные стандарты и программы (или в уставы учебных заведений) должны становиться предметами самооценки в учебных заведениях и внешней оценки в системах аттестации учебных заведений. Это является одним из обязательных условий эффективности воспитательной работы в учебном заведении».

На чём же основывается такая убеждённость авторов новой «концепции»? Документ, как сообщает «Учительская газета», был предложен «на суд министерства и общественности». Как «рассудила» его общественность, мы не знаем, — отражения в профессиональной печати это обсуждение не нашло. Ясно только одно: времени для реализации концепции (работа над ней завершилась в середине прошлого года), для проверки её эффективности, педагогической валидности слишком мало, чтобы утверждать: введение составляющих подсистемы воспитания в образовательные стандарты, программы и уставы школ является «одним из обязательных условий эффективности воспитательной работы в учебном заведении».

Было это уже, было. Вводили в предметы, в программы, определяли в планах уроков «воспитательные цели» — и всё словами, словами, и всё — мимо, мимо, мимо. Воспитывали эффективно только двуличие и лицемерие: говорю одно (что от меня хотят), а думаю и делаю (к чему приучен, на чём натренирован) — другое. Вот и вся «эффективность», основанная на подобных «обязательных условиях...». «Воспитательная компонента в образовательных системах» так и останется «компонентой в системах», к воспитанию школьников не имеющей никакого отношения.

«Педагогическую поэму» А.С. Макаренко немецкий писатель Генрих Бёлль предложил включить в символическую «золотую серию» — в 25 лучших книг всех времён и народов. Глава из неё даётся с небольшим комментарием. Прочтите, пожалуйста, и подумайте: как реализовать технологию собственно воспитания, разработанную А.С. Макаренко, в вашей школе. Это и станет «одним из обязательных условий» реальной, а не умозрительной, виртуальной эффективности воспитательной работы вашего педагогического коллектива.